

память”» (с. 164). Отметим, что этот вывод вполне справедлив также и для Хайдеггера, что делает учение С. Трубецкого созвучным его фундаментальной онтологии. Отмеченные в книге параллели демонстрируют, насколько близкими оказываются философские поиски русских и европейских мыслителей. Все это подтверждает «зрелость» русской философии той эпохи, ее включенность в общеевропейское культурное поле.

Отметим раздел, посвященный рецепции учения Николая Кузанского в русской философии, в котором Евлампиев выявляет две парадигмы восприятия Кузанца: вариант, предложенный Л. Карсавиным, и философию С. Франка. Вообще указанные философы, наряду с Фихте и Достоевским, могут быть названы главными «действующими лицами» этой книги.

Упомянутыми сюжетами не исчерпывается содержание монографии. Она включает также разделы о В.С. Соловьеве и советской философии. Возможно, не все предложенные интерпретации являются бесспорными, однако они отличаются авторским пониманием русской и западноевропейской философии, приглашают к дискуссии. Можно сказать, что знакомство с новой книгой И.И. Евлампиева является не только профессиональной потребностью историков русской философии, но и будет интересно всем,

стремящимся к осмыслению развития русской философии и культуры.

*А.В. Малинов, В.А. Куприянов*  
(Санкт-Петербург)

*Малинов* Алексей Валерьевич — доктор философских наук, профессор кафедры русской философии и культуры Санкт-Петербургского государственного университета.

a.v.malinov@gmail.com

*Куприянов* Виктор Александрович — кандидат философских наук, научный сотрудник Института истории естествознания и техники Российской академии наук (Санкт-Петербургский филиал).

nonignarus-artis@mail.ru

*Malinov* Alexey V. — DSc in Philosophy, professor of the department of Russian Philosophy and Culture of Saint-Petersburg State University.

*Kupriyanov* Victor A. — CSc in Philosophy, scientific researcher, Saint-Petersburg branch of the Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences.

DOI: 10.31857/S004287440001163-4

**Мир по ту сторону глобального беспорядка: смелость надеяться.** Отв. ред. Ф.Р. Даллмайр и Э.В. Деменчонок. Ньюкасл на Тайн (Великобритания): Кембриджское научное издательство, 2017. 316 с.

Dallmayr, Fred, Demenchonok, Edward, Eds. (2017) *A World Beyond Global Disorder: The Courage to Hope*, Cambridge Scholars Publishing, Newcastle upon Tyne, 316 p.

«Пустыня ширится», писал Ницше в «Так Говорил Заратустра» (часть 4), и это пророчество вскоре подтвердили катаклизмы XX в. Это выражение Ницше процитировал Мартин Хайдеггер в работе «Что значит мыслить?», говоря об упадке Западного мира, «утратившего центр». По его словам, за этим опустыниванием мира стоит более глубокое опустошение, связанное с «забвением Бытия». А это ведет к возможному глобальному разрушению. Ханна Арендт также использовала это высказывание Ницше в характеристике современного «мира пустыни», в котором с атрофией культурного и духовного наследия отмирает взаимосвязь и живое общение между людьми, а песчаные бури тоталитарных движений очень хорошо приспособлены к условиям пустыни (Arendt, Hannah (2005) “Eri-logue”, *The Promise of Politics*, Jerome Kahn, New York, pp. 201–202). Однако метафора «пустыни» имеет и другой, положительный смысл, связанный с духовным возрождением и ассоцииру-

ющийся с христианскими отцами-пустынниками, которые искали убежища от «шумов» мира в пустынях Египта для аскетического отшельничества на стезе духовного подвижничества.

Этот контраст двух смыслов «пустыни» — как опустынивания человеческого мира и противостоящего этому подвижнического усилия духовного возрождения — приходит на ум как выражение основного смысла рецензируемой коллективной монографии. Анализируя современную ситуацию в мире, книга отвечает двудеиной задаче критики «глобального хаоса» и поиска позитивных альтернатив. Авторы не приуменьшают серьезную опасность человечеству перед лицом обострения глобальных проблем (включая изменения климата, милитаризацию геополитики, экономические кризисы), а также деградацию культуры и «антропологический кризис». Вместе с тем они противопоставят парализующим резиньяциям и стремлению власть имущих манипулировать обществен-

ным сознанием путем запугивания искусственно раздуваемыми угрозами со стороны якобы враждебного «другого». Этому в книге противопоставляется голос разума, научный анализ проблем и путей их потенциального решения, поиск позитивных альтернатив, активизация интеллектуальных и духовных ресурсов человечества посредством межкультурного и межрелигиозного диалога. Это дает основание для реальных надежд на возможность выхода из кризиса.

Книга написана видными философами из разных стран: Англии (Фабио Петито), Аргентины (Уолтер Миньоло), Бразилии (Беатрис Биссио), Индии (Акиль Билграми и Ашис Нанди), Ирана (Абдолкарим Соруш), Италии (Даниэле Аркибуджи и Паола Бернардини), Китая (Ду Веймин и Ни Бэйминь), России (Мариэтта Степанянц и Эдуард Деменчонок) и США (Фред Даллмайр, Ричард Фалк, Ибрагим Мооса и Синтия МакКинни).

Авторы обоснованно говорят о состоянии современного мира как «глобальном беспорядке» и приводят тому свидетельства. Ричард Фалк (Richard Falk) критикует милитаризованную геополитику глобальной гегемонии и противопоставляет ей необходимость новой геополитической парадигмы, ориентированной на «справедливость, самоопределение и этическое и экологическое сознание» (р. 22). Об опасных последствиях экстраполяции западной геополитической системы на весь остальной мир как инструмент господства пишет Акель Билграми (Akeel Bilgrami). Даниэле Аркибуджи (Daniele Archibugi) рассматривает практику использования дронов в военных целях для уничтожения политических противников как военное преступление и одно из наиболее шокирующих свидетельств деградации глобального порядка и его дегуманизации: «...мы убиваем, потому что можем» (р. 64). Уолтер Миньоло (Walter Mignolo) рассматривает западную модернность как социокультурную и социополитическую парадигму, для которой характерна «колониальная матрица власти», пронизывающая не только политику, но и все сферы социальной жизни. Поэтому для освобождения важна не просто политическая или экономическая деколонизация, а смена культурной парадигмы – «девестернизация», которая открыла бы «плюриверсальные горизонты» мировой жизни (р. 50, 57).

Авторы книги видят истоки многих сегодняшних проблем в характере западной модерности, в частности, в философской традиции картезианского *cogito*, с ее дуализмом субъекта и объекта, «Я» и мира, сознания и материи, себя и других. Мышление модерности трансформируется в калькулятивную ин-

струментальную рациональность, отделенную от этических и социальных ценностей и широких философских взглядов. Почти исключительная направленность модерности на техническое производство и продуктивность сопровождается дегуманизацией.

Этой тенденции авторы противопоставляют поиск альтернатив. Они обращаются к философским традициям Запада и Востока.

Фред Даллмайр, который одним из первых в США привлек внимание к философскому наследию Хайдеггера, творчески применяет его идеи в анализе современного мира. Перед лицом бездумности манипулируемых людей, слепого активизма и «социальной инженерии» Даллмайр подчеркивает необходимость «осмысленной практики». Для этого необходим не прагматически-хищнический разум, а своего рода сдержанность разума в размышлении о себе и мире как подготовке к подлинно заботливой осмысленности. Даллмайр исходит из идей Хайдеггера о мышлении как осмысленности, то есть как открытости вопросу Бытия, готовности ответить на его зов и позволить ему «быть». Точно так же осмысленная практика означает действие, которое осуществляется, будучи внимательным к зову на пути истины и свободы. Даллмайр ссылается на хайдеггеровское понятие «позволять-быть» (*letting be, Seinlassen*), рассматриваемое как основной или изначальный праксис (*primordial praxis*) (р. 15). Это такой образ действия, который поддерживает все правильно осмысленное человеческое поведение. Речь идет о действии не как о самопродвигающемся «проекте», а как об открытости актора (действующего лица) тому, что встречается и обнаруживает себя, открытости, которая не ставит целью обладать встречным, а скорее уважает его внутреннее достоинство и «позволяет ему быть» (*lets it be*).

Осмысленная практика включает межчеловеческие отношения «со-бытия». При этом «позволять-быть» отнюдь не означает равнодушие и пассивность: это не стремление контролировать или управлять другими людьми, а уважение их целостности и «заботы» в осуществлении их собственных возможностей в бытии. «Забота» (*Sorge*) – исходная составляющая человеческого бытия-в-мире, направленного к смыслу и истине Бытия. Как подчеркивает Даллмайр, такой образ действия является преобразующим и гуманизирующим.

Перед лицом «глобального хаоса» авторы книги подчеркивают первостепенную важность усилий, направленных на поддержание целостности мира, где «мир» охватывает человечество, природу и (божественный) космос. Даллмайр ставит вопрос об ответственности человека за сохранение человечества и природного мира. Хайдеггерово понятие *Dasein*

как бытие в мире истолковывается им в широком смысле: оно означает, что человеческое существование и мир тесно связаны, а мир включает в себя человечество и природу. При этом только человек способен вопрошать о смысле сущего. Согласно Даллмайру, ответственность человека перед бытием диктуется необходимостью сохранить то, чему угрожает гибель, что без усилий человека превратится в небытие. Человек есть часть бытия и должен хранить его от ничто, и только человек способен взять на себя ответственность за бытие. Принцип бытия здесь, по сути, совпадает с принципом сохранения человечества и природного мира. Целостность бытия предполагает также приверженность глобальному холизму или целостности человеческого мира. Это, однако, не может быть достигнуто лишь субъективно-антропологическим производством или «социальной инженерией», а требует преобразования в мыслях и сердцах людей. Таков путь к благополучию в мире.

Как показывают авторы книги, идеи целостности, заботы о мире и его поддержании имеют корни, общие для религиозных и философских традиций Запада и Востока. В Индии «Бхагавад-гита» подчеркивает основное этическое и онтологическое обязательство, а именно заботливое внимание к поддержанию целостности или «благополучию мира» (*welfare of the world, loka-samgraha*), то есть уход за всеми существами в мире как высшее совершенство поведения людей.

Сходные идеи прослеживаются в китайской философской традиции. В основе конфуцианского учения лежит взаимная забота и верность, забота, которая в конечном итоге распространяется на весь мир. Конфуцианская концепция «все под небесами» (*tianxia*) предписывает культивирование стабильного и справедливого равновесия между всеми элементами космоса; такое совершенствование является ключом к целостности человечества. Как отмечает китайский философ Ни Бэйминь (Ni Peimin), Конфуций выступал за «человеческую сердечность» и советовал «любить людей» («Беседы и суждения», 12–22) и «не навязывать другим то, чего вы не хотели бы для себя» (Там же, 12–2). Эта философия отличается от нынешнего миропорядка, при котором собственные узконациональные интересы побуждают игнорировать жизненные интересы других народов. Применяя конфуцианские идеи к современности, Ни Бэйминь считает, что их воплощение может стать основой для ответственного правительства, приверженного плюралистическому миру, в котором разногласия не просто терпимы из-за политической корректности, а ценятся за их уникальный вклад в гармоничное целое.

Идеи целостности мира и нарождающегося глобального дискурса рассматривает китайский

философ Ду Вэймин (Tu Weiming). Он включает концепцию «все под небесами» в «антропокосмическое видение», отмечает актуальность конфуцианской традиции для противодействия глобальному беспорядку и ее вклад в развитие концепции «духовного гуманизма», способного соединить и обновить лучшие этические учения прошлого и настоящего на межкультурном уровне (р. 182). Духовный гуманизм поможет преодолеть ограниченность западного «проекта Просвещения» с его гиперрационализмом, материализмом, утилитарностью, агрессивным антропоцентризмом, потребительским индивидуализмом и секулярным национализмом. В противовес этому духовный гуманизм представляет собой единство «божественного и человеческого», уважение к возвышенным началам жизни, бережное отношение к природе, практику взаимности, проявляющуюся в разных формах «Золотого правила» нравственности. Ду Вэймин ставит вопрос о развитии экуменического и космополитического духа как предпосылки для формирования «глобальной культуры мира» (р. 178).

Авторы обращаются к мировым религиям и философским традициям как источнику вдохновения для гуманизации человеческого мира. Фред Даллмайр видит в подлинной христианской вере оплот против глобального хаоса и надежду на будущее. Как пример он рассматривает позицию папы Франциска по поводу состояния современного мира и принципов международного взаимодействия. В своих трудах и речах последних лет (особенно «Радость Евангелия» и «Церковь милосердия») понтифик решительно осуждает кризисы и «болезни» современного мира: войны как «безумия», растущую нетерпимость между странами и между вероучениями; экономическое неравенство; идопоклонство «богу денег»; распространение потребительской «культуры» и прославление насилия, что превращает весь мир в поле битвы. Перед лицом страданий и опасностей понтифик призывает своих читателей и слушателей отступить от края бездны и стремиться к радикальному духовному преобразению или «метанойе» (р. 128). Он предлагает, вслед за апостолами Марком и Павлом, противопоставить «идолу» личного обогащения «всемирное братство, справедливость, мир и достоинство» (р. 139). Эти идеи рассматриваются в качестве необходимой основы для подлинного социального и политического обновления.

Тем не менее возникает вопрос, может ли религия быть в современном мире действенным противоядием от насилия и разрушения. Как известно, в глазах многих скептиков институциональная религия любого рода является частью проблемы, а не частью решения. Паола Бернардини подходит к этому вопросу через различие «подлинной» (аутентичной)

и «неподлинной» религии и предлагает четыре критерия: философский, этимологический, этический и герменевтический (р. 143). На философском уровне религиозная вера может быть названа подлинной в той мере, в какой она отвечает на вопрос о конечном смысле жизни. Этимологически «*religio*» означает связывание или воссоединение. На этическом уровне Бог и «доброта» практически созвучны и религиозное поведение означает «Золотое правило», признаваемое в различных религиозных традициях и текстах (р. 146). На уровне герменевтики отрывки священных писаний, которые, казалось бы, отступают от «Золотого правила», должны толковаться строго в данном контексте. Бернардини заключает, что подлинная религия не может быть основана на насилии и несправедливости и обязательно несет в себе позитивные идеи мира и справедливости.

Эти идеи получают развитие в главах, посвященных исламу и политике. Они показывают, что ассоциируемые с исламом негативные моменты (в частности, терроризм) на самом деле не являются его следствием, а сам он является потенциально ценным источником идей о лучшем миропорядке (р. 158, 174). Так, иранский философ Абдолкарим Соруш (*Abdolkarim Soroush*) полагает, что сам ислам является главным средством против исламского экстремизма, следуя этике и доброте (р. 158). Конфликт возникает в ответ на несправедливость и оскорбление чувств верующих. Автор имеет в виду не отказ от свободы слова как принципа, а добровольное (не законодательное, но этическое) ее самоограничение. Свобода слова — «право, но не обязанность», отмечает он (р. 151). Использование этого права не должно нарушать этические нормы. Все люди должны терпимо относиться к критике и сочетать веру с рациональным пониманием. Защищая «подлинную» веру, Соруш признает практику рациональной критики и дебатов, утверждая, что верующие должны «принимать рациональный императив аналитической, этической и исторической критики», чтобы сохранять веру свободной от извращений (р. 153).

Вопрос о связи между верой и этическими нормами поведения рассматривается и исламским ученым Ибрагимом Мооса (*Ebrahim Moosa*). Он отмечает, что понятие «мусульманской этики» сегодня находится под двойной угрозой: с одной стороны, действиями фанатичных, насильственных движений, а с другой, воздействием «постмодернистского» империализма. Для примирения и глобального мира необходимо: поощрение этики «подотчетности и ответственности», начиная с самокритики; воспитание «этоса космополитического гражданства, основанного на отношени-

ях между людьми»; утверждение «инклюзивного этического содержания» в глобальном порядке, выходящего за рамки «либеральной этики» (pp. 167–170). Согласно Мооса, средством от глобального беспорядка является глобальная справедливость, которая включает равномерное распределение мировых ресурсов в свободной от гегемонизма форме. Необходим этос «космополитического сосуществования» и уважения к «другому».

Межкультурная философия рассматривается в главе российского философа Мариэтты Степанянц, которая удачно сочетает нормативный и эмпирический уровни анализа. В нормативном плане она отстаивает культурное многообразие и диалогические отношения различных культур, а также анализирует обширный эмпирический материал из опыта Российской Федерации, где в условиях многокультурного и полиэтничного общества в школах порой наблюдаются конфликты, подоплекой которых являются межрелигиозные и межэтнические различия. Как отмечает М. Степанянц, неприязнь по поводу идентичности обычно действует на подсознательном и чисто эмоциональном уровне, без какого-либо реального понимания существующих различий и их причин. Более того, в демократической обстановке возникает проблема согласования групповых идентичностей с общей национальной идентичностью. Автор подчеркивает необходимость изменений в сферах среднего и начального образования и предлагает внедрять межкультурное обучение молодежи как в России, так и в других странах для более дружественных отношений между детьми и для развития межкультурного диалога. Сама М. Степанянц является пионером в этой области: под эгидой ЮНЕСКО и Всемирного общественного форума «Диалог цивилизаций» она разработала модельный учебный план, который может служить образцом глобального межкультурного образования (pp. 121–122).

Размышления авторов книги о возможных альтернативах глобальному беспорядку обращаются к идеалам космополитического будущего. В заключительной главе Эдуард Деменчонюк рассматривает переосмысление и развитие космополитических идей в современном контексте в работах таких философов, как Д. Аркибуджи, Д. Батлер, С. Бенхабиб, М. Венман, Ж. Деррида, Д. Инграм, Р. Марчетти, В. Миньоло, Ю. Хабермас и ряд других. Он выделяет отличительные черты «нового космополитизма»: критическая саморефлексивность в отношении его философских и методологических оснований и условий возможности; вместо «абстрактной» универсальности предлагается «конкретная» универсальность; защита социально-культурного плюрализма; укорен-

ненность в конкретной истории, культурах и нациях при сочетании глобального и локального; приверженность диалогу как нормативному принципу теоретизирования и как лучшему способу межкультурных и международных отношений; свобода и равенство как основополагающие ценности; стремление соединить этические идеалы с политической практикой их осуществления; трансформативность, направленная на изменение общества и международных отношений. Новый космополитизм разрабатывается не только как привлекательный идеал, но и как социальный проект, направленный на трансформацию международной системы и создание условий для постепенного перехода к мирному и справедливому космополитическому миропорядку.

Э. Деменчонок отмечает реалистичность теоретиков нового космополитизма, которые не забегают вперед и говорят об альтернативном миропорядке в сослагательном наклонении как возможной перспективе, осуществление которой зависит в конечном счете от самих людей как политических акторов. Так, например, Сейла Бенхабиб предпочитает говорить о трансформативном процессе космополитизации и «грядущем космополитизме» (*a cosmopolitanism to come*). Жак Деррида также говорит о «грядущей демократии» (*democracy to come*) и необходимости расширить мыслительный горизонт «по ту сторону космополитизма» (*beyond cosmopolitanism*). Он рассматривает космополитическое право и гостеприимство в связи с современной проблемой иммиграции беженцев и защищает право на иммиграцию, апеллирует к кантовской формулировке космополитического права и универсального гостеприимства и вместе с тем указывает на ее ограниченность. Деррида побуждает мыслить «по ту сторону» национальных государств, гражданства, международной системы государств и традиционного космополитического идеала, стремясь расширить горизонт философского мышления и видения будущего мирового порядка. Он критически оценивает парадоксальные двойственности или апории существующей демократии: между свободой и равенством, гетерогенностью и однородностью, самоопределением и разделением властей, суверенитетом и демократией. Этому он противопоставляет новое мышление и новые взгляды на индивидуальное своеобразие личности, инаковость Другого, ответственность, этику и политику как предпосылки подлинной «грядущей демократии» (pp. 253–254). Он подчеркивает, что за пределами космополитизма, понимаемого как мировое гражданство, мы должны видеть «приход универсальной общности или солидарности, простирающейся

за рамки международной системы национальных государств и гражданства» (p. 255).

Обобщая идеи книги, Э. Деменчонок показывает, что мир в настоящее время стоит на границе между безнадежностью и надеждой, между устаревшим гегемонистским беспорядком и признаками открывающегося космополитического горизонта. «Поскольку мы не можем быть нейтральными в этой борьбе, наша задача — здраво и смело участвовать в осуществлении надежд на лучшее будущее нашего мира» (p. 14).

Говоря о книге в целом, важно отметить, что она получилась достойной масштабу заявленной темы, что в ней состоялся столь насыщенный для переживаемого нами момента диалог прогрессивно мыслящих представителей разных культур. Это пример столь редко встречающегося сегодня именно предметного обсуждения проблем, важных в равной степени для всех участников, когда вопросы, поставленные одним с позиций своей культуры, подхватываются и развиваются другими.

Следует также отметить заслугу Ф. Даллмайра и Э. Деменчонка в концептуализации замысла и организации этого коллективного труда как примера подлинного диалога видных философов разных стран, объединенных стремлением найти решение социальных и глобальных проблем, которые касаются нашего общего будущего.

И, на наш взгляд, самое главное — это широкий спектр поставленных проблем и гуманистическая позиция авторов. Практически все они — в противовес известному утверждению С. Хантингтона о неизбежности столкновения цивилизаций — говорят не просто о возможности, а именно о насущной необходимости формирования глобальной общечеловеческой культурной общности путем соразвития и сближения тех разнообразных форм, которые приняло «Золотое правило» нравственности во всем многообразии современных религий, традиций, духовных и социальных практик. Активизация интеллектуального и духовного потенциала человечества дает надежду на противодействие опустыниванию мира и на животворность гуманизирующих усилий культурного и духовного возрождения.

В качестве пожелания хотелось бы сказать следующее: на наш взгляд — это книга-манифест, книга-заявка, книга — призыв к совместной разработке межкультурной и междивизиционной концепции альтернативного миропорядка. Важно, чтобы эта работа получила продолжение. Проблемы сформулированы, а дальше предстоит работа над тем, как практически начать выполнять завет Л.Н. Толстого: «...ежели люди порочные связаны между

собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто».

*А.Г. Глинчикова, А.В. Веретевская*

*Глинчикова* Алла Григорьевна – доктор политических наук, профессор кафедры политологии ИИиП МПГУ.

*Веретевская* Анна Вячеславовна – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной политологии МГИМО МИД России.

*Glinchikova* Alla G. – DSc in Political Sciences, Professor of the Department of Politics of the Institute of History and Politics Moscow State Pedagogical University.

Alla.glinchikova@gmail.com

*Veretevskaya* Anna V. – CSc in Political Sciences, lecturer in MGIMO University.

Anna.veretevskaya@gmail.com

**DOI:** 10.31857/S004287440001164-5